

М. Горький, К. Горбунков, М. Лузгин

**Болшевы. Очерки по
истории большевской имени Г.
Г. Ягода трудкоммуны НКВД**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
Г71

Г71 **Горький М.**
Болшевы. Очерки по истории болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммуну НКВД / М. Горький, К. Горбунков, М. Лузгин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 624 с.

ISBN 978-5-458-63642-1

В ряде тесно связанных между собой художественных очерков, написанных молодыми советскими писателями на основе подлинных материалов, рассказано об организации и росте Болшевской трудкоммуну НКВД, о перековке ее воспитанников - бывших правонарушителей. М. Горький, в предисловии к книге дает следующую характеристику «Очерков»: «Достоинство книги - в той вдумчивости, с которой изображены процессы индивидуальных перерождений Гуляева, Мологина и других. Почти всегда удачен, т. е. убеждает своей правдивостью, рассказ о трудной и мудрой работе воспитателей. . . В освещении этой работы - основной и высоко ценный смысл книги».

ISBN 978-5-458-63642-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Достоинство этой книги — в той вдумчивости, с которой изображены процессы индивидуальных перерождений Гуляева, Мологина и других. Почти всегда удачен, т. е. убеждает своей правдивостью, рассказ о трудной и мудрой работе воспитателей-чекистов: «дяди Сережи», Матвея Погребинского и др.; в освещении этой работы — основной и высоко ценный смысл книги.

Истинно пролетарский гуманизм метода и приемов этой воспитательной работы вносит в дело социалистического воспитания людей немало такого совершенно нового и важного, что должно быть широко известно в среде школьных педагогов.

Книга рассказывает о напряженной борьбе большевиков за человека, воспитанного, т. е. изуродованного обществом хищников, собственников, рассказывает о том, как человека анти-социального, глубоко анархизированного — превращали в сознательного пролетария, революционера и коммуниста. Конечно, я не забываю, что эта борьба велась и ведется в размахе всемирном, но освещаемый этой книгой участок боя говорит о победах, особенно значительных тем, что пролетариат возвращает к жизни сотни людей, которые в «культурной», «гуманитарной» Европе, обществах благочестивых мерзавцев, неизбежно погибают, «как неисправимые враги собственности», как еретики, не верующие в святость бога мещан и срывающие ризы с него маленькими кусками. Известно, что когда вор ворует миллионы народных денег, когда он наживает эти миллионы на узаконенной краже чужого труда, на производстве оружия, на торговле пулеметами и пушками для истребления миллионов людей, — вор этой высочайшей степени до поры, пока он не проворуется, не вызывает отвращения и вражды мещан, но возбуждает в них только лирическую зависть, уважение и даже рабское преклонение перед миллионерами. Мы знаем, что для мещанства — этой опоры фашизма и почвы мерзостей мира — человек, укравший сто франков, более преступен, чем тот, кто украл сто тысяч франков или марок, долларов, фунтов.

Итак: эта книга показывает, как воспитанный мещанством мелкий хищник собственности превращается в сознательного врага ее, готового на борьбу за освобождение всей массы трудового народа из ее цепей, готового на честную, героическую работу строительства нового мира. Этого смысла книги вполне достаточно для того, чтобы признать ее ценность и дать ей широкую дорогу в массы не только наших читателей: пролетарии всех стран должны знать, как и в каких формах, какими приемами следует выявлять активный, пролетарский, боевой гуманизм.

Уверен, что писательская молодежь, работавшая с этим новым интереснейшим материалом, приобрела немало литературно технического опыта, который благотворно отзовется на ее дальнейшей работе в области родной литературы. Есть в этой книге недостатки, оплошности, недоговоренности? Конечно, есть. Отметить их — дело товарищеской критики, которая должна понять сложность, трудность и новизну темы, должна понять глубокий социально-революционный смысл пролетарского гуманизма. Мое дело — указать, что написана весьма значительная большевистская книга. Вместе с книгами А. Макаренко «Педагогическая поэма» и Иды Авербах «От преступления к труду» эта книга вносит в нашу литературу замечательный рассказ о работе «инженеров душ», которые воспитывают тысячи людей в трудкоммунах, в концлагерях, в колониях беспризорных детей, о работе, которая показывает, как реально, фактами — осуществляется в Стране советов пролетарский коммунистический гуманизм в те дни, когда буржуазия Европы и всего мира все более гнусно и цинически откровенно звереет, как она в своем безумии, вызванном предчувствием смерти, теряет остатки человекообразности и становится все более бесхитростно злым, все более откровенно бесчеловечным врагом трудового народа. Пролетариат должен знать, что в лице современной буржуазии он имеет дело с преступником, который не может быть перевоспитан и должен быть уничтожен.

М. Горький

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ПОРУЧЕНИЕ

В конце июля 1924 года чекист Матвей Погребинский был вызван к одному из членов коллегии ОГПУ.

— Как-то зимой мы проходили с товарищем Дзержинским ночью по Москве, — сказал член коллегии Погребинскому. — В Охотном ряду, на Моховой горели костры. Возле них грелось несколько оборванных, грязных подростков. Кто считал, сколько таких бездомных рассеяно по городам страны: на вокзалах, у асфальтовых котлов, в заброшенных подвалах? Дзержинский тогда сказал: «Ужасное бедствие! Ведь большинство их — дети пролетариев. Одному Наркомпросу не справиться с этим. Надо что-то сделать».

Погребинский кроме основной службы вел еще работу среди комсомольцев ОГПУ как прикрепленный от партийной ячейки. Ему приходилось бывать в различных учреждениях Наркомпроса. Он знал, что несмотря на все усилия изжить беспризорность, там нехватало для этого нужных организаторов и хороших педагогов.

— Недавно, — продолжал член коллегии, — Феликс Эдмундович выступил на заседании в ЦК партии и заявил: «Я хочу бросить некоторую часть сил ВЧК на борьбу с беспризорностью. Наш аппарат — один из наиболее четко работающих. С ним считаются, его побаиваются». Решение далеко не случайное. Мы изолируем преступников, стараемся исправить, иногда ликвидируем. Но мы гораздо скорее уничтожим преступность, если лишим уголовные элементы возможности набирать смену из бесприютных ребятишек. Коллегия поручает вам, товарищ Погребинский, наладить перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей.

Он сказал, почему выбор остановлен именно на Погребинском:

— У вас есть знание молодежи, умение подойти к ней.

Он подчеркнул, что та молодежь, с которой предстоит Погребинскому работать теперь, — особенная. Изжеванная в раннем детстве машиной эксплуатации, выброшенная на улицу, она возненавидела всякую работу. Узколобые буржуазные антро-

положи, стараясь оправдать капиталистический строй и бесчеловечность мещан, приписывают тысячам людей наследственную склонность к преступлениям, врожденную неспособность трудиться — это, конечно, подлая ложь. Однако собрать фортчинов, домушников, скокарей юного возраста и объяснить им, кто морально увечил их, дать им производственные специальности — это нелегкое дело. Нелегкое, но зато какое большое и увлекательное! Будет практически доказано, что свободный социалистический труд на общество, на самих себя может сделать из уголовников общественно-полезных работников. Какая почетная для большевиков задача: показать всему миру силу и образец пролетарского гуманизма!

— Приступайте к работе, — заключил член коллегии. — Дело в сущности новое, опыта здесь очень немного. Значит, нужно почитать, подумать. Ищите себе дельных помощников. Будет трудно — приходите, подумаем вместе.

Перед тем как начать дело, Погребинский вплотную сел за книги. Хороший организатор, человек живой революционной практики, он понимал всю необходимость предварительной учебы.

На его столе можно было увидеть самые разнообразные материалы. Рядом с «Отчетом Московского рабочего дома с 1836 по 1913 год» лежали «Сахалинские очерки» и «В мире отверженных». «Социальные этюды» Тардье, книжка профессора Белецкого «Об эмоциональном мире преступников», «Доклад Киевского патроната малолетних преступников» заставляли его порой забывать о пище и отдыхе.

Коренное различие между буржуазным уголовным правосудием и советской исправительной политикой было ему очевидно. Там — в странах капитализма — изгнание уголовного из жизни, здесь — основная задача — трудовое и культурно-политическое перевоспитание людей.

В одной из книг американский профессор, либерал по убеждениям, делился своими впечатлениями после того, как обследовал тюрьмы всего мира, изучая их режим и типы преступников. Он искренно негодовал, описывая зверское обращение с заключенными.

Некоего Артура Монфлер в Дюменсваале заключили в тесную клетку и держали под палящими лучами солнца до тех пор, пока он буквально не испекся, получив общий ожог кожи.

Автор подробно рассказал потрясающий случай, когда одного преступника били по обнаженному животу струей воды из брандспойта, «шока не лопнул живот». Другой заключенный, интеллигент, брошенный за буйное поведение в карцер, лежал связанным несколько суток подряд, испражняясь под себя, и, не вынеся унижений, разбил голову о каменный пол.

Профессор добросовестно подсчитал, сколько в буржуазных тюрьмах сошло с ума, удушено, пристрелено, сожжено на электрическом стуле. Сообщались цифры запоротых насмерть, изнасилованных женщин, растленных тюремщиками детей.

Страх наказания не действовал. Воры продолжали красть, грабители — отнимать у прохожих кошельки. В мире капитализма, среди общей драки за наживу и возможность жить за счет чужого труда, мелкие хищники в другой форме повторяли то, что делали хищники крупные.

«Конечно, — заключал автор книги, — самый лучший способ изжить преступность — это приучить грабителей к честному труду. Но природа наделила их неизменным отвращением к работе. С другой стороны, если они согласятся работать, то увеличат армию безработных».

Очерки радикального журналиста рассказывали Погребинскому, почему заключенные буржуазных тюрем не хотят работать.

В Техасе власти продают осужденных фермерам и заводчикам. Фермеры гонят купленных арестантов на работу плетями. За прошедшей группой остается густой кровавый след, сторожевые собаки хозяина идут позади и лизут кровь. В штате Геorgia за каждого проданного в рабство преступника администрация получает 450 долларов. Таким же образом штат Алабама выручил только за год два миллиона рублей. Деньги были израсходованы на постройку новых тюрем и судебных учреждений.

Эксплоатация труда осужденных оказывалась одной из самых жестоких разновидностей эксплуатации.

Том Муни просидел в Сан-Квентинской тюрьме семнадцать лет и ежедневно исполнял одну и ту же обязанность: чистил на обед тюремной администрации сто пятьдесят фунтов картофеля, пятнадцать фунтов луку и моркови. Его товарищ занимался с утра до вечера тем, что тер один о другой два кирпича, добывая таким образом порошок для чистки посуды. Другой — ряд лет вошил нитки. Он часами, днями, месяцами, годами натирал комком черного воска нитки, у него распухли пальцы, постоянный запах воска вызывал отвращение к пище.

Отупляющее занятие сушило мозг, человек дичал, способен был идти на любые пытки, лишь бы не возвращаться к мерзкой повинности.

Да, при этих условиях нельзя полюбить труд. Но радостнее ли он, меньше ли отупляет рабочих на большинстве «вольных» капиталистических фабрик!

Русское тюремное и каторжное прошлое было еще более мрачным. Даже официальная царская статистика признавала, что из каждых десяти тысяч людей страны один обязательно томился за решеткой. В продолжение столетий российское правосудие олицетворялось застенками, дыбой, смрадными земля-

ными колодцами, ржавой цепью на шее колодника, вырезыванием языка, четвертованием. Позже появились жандармы, полицейские клоповники, шпипрутены, одиночки, кандалы, намыленные петли. Бездна человеческих страданий завершалась бесчисленными крестами по Владимирке и Сибирскому тракту, отмечающими могилы каторжников.

Опубликованный еще при царизме отчет гласил, что с 1884 по 1902 год в Шлиссельбургской крепости содержалось пятьдесят восемь человек, из них восьмерых повесили, двоих расстреляли за оскорбление администрации, пятнадцать умерли, четверых отправили в сумасшедший дом, тринадцать сослали на поселение, трое покончили самоубийством, тринадцать в 1902 году продолжали отбывать заключение, ожидая своей гибели.

Московский рабочий дом пытался приучить воров к труду. Устав дома рекомендовал поручать содержащимся в нем «работы сколько можно однообразнее». «Призреваемых» посылали чистить городские свалки, вывозить нечистоты, отдавали в наем фабрикантам. Неудивительно, что добровольно явившихся в дом в 1895 году было 6 человек, а насильно приведенных полицией — 857.

Какими утопичными и безнадежными оказались попытки отдельных филантропов наладить трудовое перевоспитание уголовных. Чем больше говорили об этом Погребинскому книги, тем спокойнее и увереннее становился он, потому что для него все яснее становилась основная причина этих неудач: в условиях капитализма, в условиях эксплуатации труд всегда является проклятием. Только у нас, где труд — источник удовлетворения общественных потребностей трудящихся, где самый труд становится радостью, первой потребностью человека, он способен быть самым сильным орудием перевоспитания.

«Из их неудач, — повторял он, — для нас вытекает одно: обязательность победы».

Материалы Наркомпроса открывали картину большой систематической заботы о беспризорных. Режим советских исправительных учреждений ставил целью вернуть уголовных к труду. В домах заключения практикуются отпуска, частые свидания с родными, почти неограниченные передачи, вежливое обращение. Культурная работа, участие в самоуправлении развивают у заключенных общественные навыки.

Труд в мастерских дает квалификацию и личный заработок. Однако многие преступники, отбыв срок заключения, возвращаются к прежним занятиям. Немало подростков уходит из детских домов Наркомпроса.

Нужно было понять причины этих явлений, чтобы избежать их в предстоящей работе. Многие могли бы объяснить сами преступники и беспризорные. Погребинский поехал в Бутырский домзак.